

ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ В ПЕРИОД СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ 1990-х гг.: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ЕГО ИНСТИТУТОВ

Л. В. Ландина,

кандидат исторических наук,

доцент кафедры истории Беларуси и музееведения

Белорусского государственного университета культуры и искусств

Трансформации, происходящие в советской историографии после 1991 г., радикально отличались от таковых в предыдущие десятилетия. Произошел распад СССР и упразднение его идеологии. Соответственно, речь шла о принципиальных изменениях в исторической науке. В свою очередь, происходящее в первые постсоветские годы уже было подготовлено идеями перестройки в исторической науке и теоретическими инновациями второй половины 1980-х гг., положительно воспринятыми научным сообществом. Указанное объясняет поразительную быстроту, с которой произошла смена ориентиров в исторической науке. Она была во многом обусловлена разнообразными социокультурными и социопсихологическими процессами, происходящими на территории бывшего СССР.

Становление постсоветского общества отнюдь не было целиком поступательным и внушающим оптимизм процессом. Директор Института российской истории РАН А. Н. Сахаров оценивал происходившее тогда следующим образом. Указывая на крах советской идеологии и государства, он отмечал: «На смену этому государству пришел странный полукommунистический, полукapиталистический, полукриминальный гибрид, жизнь которому дают все те же люди, кто был рожден, взращен и воспитан в послевоенный период... Этот странный общественный синтез относится и к кадрам историков, и к исторической науке в целом. Единственное, чем новый режим резко отличается от прежнего состояния коренным образом – известной, почти официальной свободой от сталинизма, без которой, как это выяснилось уже бесповоротно, невозможно было дальнейшее движение общества в условиях современной цивилизации» [7, с. 4].

Внешние условия развития исторической науки изменились. В связи с экономическим кризисом снизились государственные расходы на науку, упал престиж научной работы, происходил отток кадров в другие, более прибыльные сферы занятости. Из-за нехватки средств происходили кадровые сокращения, затруднялся выход публикаций, нарушалось комплектование библиотек научной литературой. Негативное влияние на научную деятельность оказывала коммерциализация ее разработок, в то время как нишу исторической литературы захватывали писатели и публицисты с различными параисторическими версиями истории. Более того, в связи с переоценкой прошлого и ликвидацией «белых пятен» в истории не только упал престиж исторической науки, но и возник принципиальный вопрос о ее социальной и познавательной востребованности.

Линейная формационная модель исторического процесса не отменялась, но из нее исчезали такие понятия, как «классовая борьба», «производительные силы», «производственные отношения», заменяемые на «социальную борьбу», «экономическое развитие», «социальную структуру». Формационный подход дополнялся цивилизационным, смягчая методологическую ломку.

Однако, несмотря на негативные явления, получили развитие положительные процессы. У историков появилась возможность свободно выезжать за рубеж для работы в архивах и библиотеках. Это было тем более реально в условиях расширяющегося международного научного обмена, конференций, стажировок и получения грантов. Для исследователей открылись фонды архивов. Постсоветская историография вошла в мировое пространство исторической науки, осваивая его терминологию, методологию и приемы исследования. Реалии информационного общества вызвали резкое увеличение научного материала, электронные базы данных обеспечили мгновенный к нему доступ, возросли скорость распространения информации и объем ее потоков, а возможности интернета и электронной почты предоставили практически моментальную коммуникацию.

Некогда единая советская историческая наука распалась, происходило развитие национальных историографий. Как в России, так и в республиках бывшего СССР шли сложные и

неоднозначные поиски национальной идентичности, начавшиеся еще во второй половине 1980-х гг. Становление национальных исторических школ, в которых выделялись радикальные, умеренные и консервативные течения, сопровождалось общественно-политическими дискуссиями как внутри бывших союзных республик, так и между ними и Россией. В общественной полемике, зачастую жесткой, исторической аргументации отводилась ключевая роль. В свою очередь, это во многих случаях сопровождалось шоком у граждан, столкнувшихся с необходимостью переосмысления казавшихся им объективных и незыблемых фактов и установок.

На всем постсоветском пространстве на смену революционным ценностям пришли традиционалистские. В поисках национальной и социальной идентичности стало популярным составлять родословные, реконструировать историю семьи, возрождать традиции дворянства, офицерства, казачества и т. д. Соответственно, интерес к классовой борьбе и революциям исчезал. Они перестали восприниматься как «правое дело», а их вожди – как носители положительных качеств. Постепенно теряло актуальность изучение социально-экономических процессов. Напротив, рассмотрение власти и ее носителей во всех возможных аспектах стало востребованным и переосмысливалось, тем более что в советской историографии это проблемное поле было минимизировано.

Монархия, как социокультурный феномен, персонифицированная власть, воплощение дореволюционного прошлого, привлекла к себе самое пристальное внимание. В российском обществе, на волне ценностной и психологической ломки, идейного размежевания, разочарования, поиска идентичности и утраченного наследия, история самодержавия притягивала к себе огромную аудиторию. Более того, монархия как форма правления [8], монархизм и неомонархизм [2; 5], сакрализация власти в общественном сознании [4], специфика российского самодержавия [1] становились объектами научного осмысления.

Первый номер журнала «Родина» за 1993 г., посвященный 380-летию Дома Романовых, предлагал читателю немислимый в СССР и разнообразный массив информации – от осмысления феномена монархии до исповеди расстрелявших царскую семью. Радикально изменились лексика и целевая аудитория

научного дискурса. Выражением новых установок стала и портретная галерея Романовых, дополненная анкетой для каждого монарха, на вопросы которой давали ответы профессиональные историки.

В 1998 г. был опубликован сборник научных статей, посвященный знаменательной в новых условиях дате – 450-летию учреждения царства в России (1547–1997) [6].

В 2001 г. вышла коллективная монография «Европейские монархии в прошлом и настоящем. XVIII–XX века», подготовленная по итогам одноименной конференции, прошедшей в 1998 г. [3]. Структура книги состояла из тематических блоков: монархия и империя, монархия и демократия, личности европейских монархов, Дом Романовых и заграница. Кроме того, показательным явлением было включение в сборник научной конференции статьи духовной особы – протоиерея Александра Шаргунова, в которой велась речь о возрождении духовности и государственности как предпосылках восстановления православной монархии. Автор утверждал: «Нет никакой иной истории, кроме истории спасения, которая завершается в вечности. Царь – помазанник Божий – призван обеспечить это в максимальной степени» [3, с. 215]. Редколлегия, однако, отметила, что не разделяет указанную точку зрения [3, с. 4].

Центральное место в исследованиях российских историков заняла государственная власть как самоценный феномен. Отсюда – радикальное изменение проблемного поля ее изучения. Это социальный состав правящей элиты, психология и технология власти, разнообразные средства презентации и методы воздействия, менталитет различных социальных слоев, история элит, механизм принятия решений, роль личности монарха, влияние его окружения и многое другое. Целые пласты исследований были посвящены темам «государство и его институты», «правитель и его окружение», «бюрократия и общество», «власть – общество – государство», «абсолютизм – реформы – общество», «власть – государство – личность», «власть и культура», «общество – государство – модернизация», «империя и нации», «абсолютизм и конституционализм», «правитель и подданный», «государство и социальный протест», «революция и эволюция» и т. д.

На протяжении первых постсоветских лет оформились такие направления исследований, как психоистория, гендерная исто-

рия, история повседневности, история элит, микроистория. В российской историографии появилось направление интеллектуальной истории.

Методологические изменения первого постсоветского десятилетия демонстрировали также известные отличия в подходах к изучению западноевропейских абсолютных монархий и российского самодержавия. В первом случае медиевисты и историки раннего Нового времени, придерживаясь плюралистической методологии, не испытывали идейного размежевания. Специалисты же по российской истории, восприняв ряд тезисов западной русистики и обратившись к установкам дореволюционной государственной школы, могли придерживаться различных идейных направлений – от либеральных и марксистских до монархических.

Таким образом, социокультурная трансформация 1990-х гг. и становление постсоветского пространства закономерно сопровождались и существенными изменениями в его исторической науке.

1. *Асонов, Н. В.* Политические доктрины российского самодержавия: генезис, эволюция и современный дискурс : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.01 / Н. В. Асонов ; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 2009. – 42 с.

2. *Гусев, И. В.* Монархическое направление русской социально-политической мысли XIX–XX веков : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / И. В. Гусев ; ТГУ. – Тверь, 2005. – 19 с.

3. Европейские монархии в прошлом и настоящем. XVIII–XX века. – СПб. ; М. : Алетейя, 2001. – 302 с.

4. *Захарова, Т. И.* Сакрализация власти как фактор трансформации современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Т. И. Захарова ; СГУ. – Саратов, 2009. – 20 с.

5. *Комова, Н. Б.* Монархическая власть в консервативных государственно-правовых учениях России XVIII–XX вв. : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Н. Б. Комова ; Нижегородская акад. МВД России. – Н. Новгород, 2012. – 55 с.

6. Российская монархия: вопросы истории и теории : межвуз. сб. ст., посвящ. 450-летию учреждения царства в России (1547–1997) / отв. ред. М. Д. Карпачев. – Воронеж : Истоки, 1998. – 184 с.

7. *Сахаров, А. Н.* О новых подходах к российской исторической науке. 1990-е годы / А. Н. Сахаров // История и историки. – 2002. Историографический вестник / отв. ред. А. Н. Сахаров ; Ин-т рос. истории. – М. : Наука, 2002. – С. 3–28.

8. Серегин, А. В. Теоретические проблемы монархической формы правления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. В. Серегин ; Ростов. гос. ун-т. – Саратов, 2003. – 22 с.

ОСОБЕННОСТИ ТРАКТОВКИ ОБРАЗА ЦВЕТКА ПАПОРОТНИКА В ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ БЕЛАРУСИ

А. В. Лойко-Мичудо, аспирант

Белорусского государственного университета культуры и искусств

Неисчерпаемым источником информации, в котором наиболее полно воплотились образы праздника летнего солнцестояния, служит белорусское декоративно-прикладное искусство. Именно в его разнообразных видах часто встречаются образы купальского цикла, самый распространенный из которых – образ цветка папоротника.

*Рис. 1. Д. Коваленко.
Белорусский календарь.
Купалье*

Многогранностью смысла отличаются традиции плетения из соломки, поскольку знаки в верованиях всех народов, связанных с земледелием, ассоциировались с символами урожая и наделялись душой. В наши дни в обрядах земледельческого характера также можно встретить различные магические атрибуты, сделанные из соломы, например жатвенный венок, соломенное чучело и др. [6, с. 96–97]. Данный вид декоративно-прикладного искусства привлекает как народных мастеров, так и профессиональных художников, в работах которых можно встретить образ купальского цветка. Его изображение занимает верхнюю часть соло-

менного панно молодого художника, выпускницы Молодечненского государственного музыкального колледжа Д. Коваленко «Белорусский календарь. Купалье» (2015, аппликация). На темно-синем фоне контрастно выделяется похожий на подсолнечник цветок, с двух сторон обрамленный листьями папоротника, что придает композиции логическое завершение